

УДК 323.174

В. А. Горенкин

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛИЗМА

Современный мир изменялся очень быстро как в мирохозяйственных, так и в мирополитических отношениях. Заметно увеличился разрыв в экономическом развитии многих стран, прежде всего между промышленно развитыми и беднейшими государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Такое неравномерное соотношение экономического развития накладывает отпечаток на степень развития политических систем, уровень демократии в различных странах мира, проявления сепаратизма.

Исчезновение межблокового военного и экономического противостояния затрагивает и идеологическую сферу. И здесь возникает ряд вопросов относительно будущей модели устройства мира.

На смену идеологическому противостоянию "коммунизм – антикоммунизм" (социализм – капитализм) грядет противостояние религиозно-культурных цивилизаций. Например, христианской, конфуцианской, мусульманской. Действительно, для такого предположения имеются определенные основания. Продолжающийся конфликт на Ближнем Востоке, недавняя война в бывшей Югославии, вспышки религиозного фанатизма на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Афганистане как бы подтверждают такое предположение о "дуге" потенциальной опасности на стыке христианской и мусульманской цивилизации [1, с. 44]. Сторонники такой тенденции определяют современный глобальный мир и его изменения через призму цивилизации, рассматривая цивилизацию как культурно-исторический тип, характеризующий регионально-традиционные особенности развития общества [2, с. 23].

Так, С. Хантингтон, развивая научные традиции О. Шпенглера, Н. Данилевского, А. Дж. Тойнби, считает, что мировая политика вступает в новую фазу, в которой идеологические и экономические факторы уже не будут являться источником конфликта. Так же как и Тойнби, он считает, что большая часть истории есть история цивилизаций "и мир возвращается к этой схеме" [3, с. 47]. Хантингтон выделяет 7 или 8 современных главных цивилизаций: западная, конфуцианская (Китай, Корея и страны Юго-Восточной Азии), исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская. Поскольку эти различные цивилизации отличаются друг от друга своей историей, языками, культурой, традициями и, самое главное, религией, то, по мнению Хантингтона, "линии раздела между цивилизациями станут аренами сражений будущего" [3, с. 47]. С этой точки зрения, региональное экономическое развитие, как считает Хантингтон, может быть успешным, если оно основывается на общей цивилизации. Так, например, Европейский Союз покоится на общем фундаменте европейской культуры и западного христиан-

ства, Япония же встречает трудности в создании подобной экономической общности в Восточной Азии. Тем не менее, для преодоления возникающих противоречий и религиозных различий Хантингтон предлагает, как достичь компромисса между современной Западной цивилизацией и остальными, незападными: "Незападные цивилизации пытаются стать, современными и будут продолжать стараться приобрести богатства – технологию, мастерство, оружие, являющиеся атрибутами современности. Их экономическая и военная силы будут возрастать, отставание от Запада сокращаться" [3, с. 48].

Однако концепция столкновения цивилизаций вызывает споры. Не все ученые, политологи и политические лидеры согласны с ней. По мнению А. Скалапино, президента Общества Азии, следует предать забвению концепцию о том, что может возникнуть столкновение между соперничающими цивилизациями или культурами. "Бесспорно, культура является и будет оставаться фактором среди многих, которые указывают на национальные различия, но где сегодня культура проявляется в чистом или статичном виде, не тронутая мировыми течениями, сохранившаяся сама в себе, проходя через поколения и этнические границы?" [4, с. 43]. Господствующей тенденцией, как считает А. Скалапино, является гомогенизация культур. Различные культуры становятся взаимозависимыми. Таким образом, в постмодернистский век основное столкновение будет не между так называемыми цивилизациями, а между силами разъединения (*disaggregation*) и соединения (*aggregation*). Это столкновение будет происходить как внутри общества, так и на региональном и глобальном уровнях. Именно Азиатско-Тихоокеанский регион, как предполагает А. Скалапино, будет целиком вовлечен в этот процесс, так как АТР занимает полмира и здесь расположено большинство динамичных обществ нашего времени [4, с. 43].

Представители концепции о гомогенизации культур едины во мнении, что с окончанием "холодной войны" ускорился процесс конвергенции различных идеологий (консерватизм, либерализм, социализм, транснационализм, некоммунизм) в одну, основанную на постулатах западной либеральной демократии [5, с. 14]. Такое утверждение не лишено основания. Демократические преобразования в России, других странах Восточной Европы, Латинской Америки подкрепляют эту концепцию. Это частично объясняется глобальными масштабами действий ряда западных средств информации, преимуществами западной системы высшего образования, фундаментальной наукой и тем, что английский язык все больше становится стандартной формой международного общения.

Так, Френсис Фукуяма в "нашумевшей" статье "Конец истории?" полагает, что события в последнее десятилетие имеют фундаментальный характер. Но если Хантингтон и Тойнби в своих работах призывают Запад учитывать многообразную картину мира и рассматривают западную цивилизацию наряду с другими, то Фукуяма считает, что Запад со своей либеральной демократией пришел к неоспоримой победе экономического и политического либерализма. "Триумф Запада, западной идеи очевиден, прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизненных альтернатив" [5, с. 16]. С окончанием "холодной войны" Фукуяма связывает конец истории как таковой, в результате чего завершается идеологическая эволюция человечества и происходит универсализация западной либеральной демократии, как

окончательной формы правления. Однако, как считает Фукуяма, это не означает, что исчезнут конфликты и наступит вечный мир. Признавая неизбежность пост-исторического мира, который приходит на смену историческому, Фукуяма тем самым утверждает тезис о том, что с крушением коммунистической идеологии в глобальных масштабах мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая постистории [5, с. 17].

Можно ожидать, что формирование либерально-демократической цивилизационной структуры может занять центральное место в развитии глобальных идеологических процессов. В то же время нельзя не признавать тот факт, что процессу формирования единого междивизиационного пространства противостоит другая тенденция – национально-религиозное обособление. Национально-религиозные течения отличаются своим радикализмом и национальным экстремизмом в тех странах, которые все больше отстают в своем экономическом развитии от индустриально развитых стран. За последние десятилетия значительно увеличилось число независимых государств, признанных полноправными членами международного сообщества. Мир стал теснее, но различные национальные, культурные, религиозные или иные группы в рамках существующих государств, сообществ требуют для себя автономии и независимости. Происходит возрождение местных идентичностей, основанных на этнических и религиозных ценностях. Все это свидетельствует о возникновении тенденции к децентрализации и партикуляризации. Раздел Чехословакии на два самостоятельных государства, кровавая межэтническая вражда в бывшей Югославии, распад СССР и образование на его месте новых государств – все это позволяет утверждать, что сегодня с большей остротой обозначились этнические, религиозные и социокультурные проблемы и противоречия.

По-видимому, как ни парадоксально, но можно говорить о том, что развитие политических процессов XX века дает два явно противоположных эффекта. С одной стороны, происходит большое обобщение, объединение мира. С другой стороны, параллельно такому развитию – наблюдается тенденция к диверсификации и разнородности мира.

Объясняя сегодняшние перемены в мире, американский социолог и футуролог Олвин Тоффлер, автор одного из вариантов концепции постиндустриального общества считает, что сегодня в мире происходит постепенное распадение прежних властных структур и зарождение новых. В результате разбалансированного бывшего равновесия между США и СССР возникли "черные дыры" (в Восточной Европе, Средней Азии), которые могут вовлечь нации и народы в новые, а может быть – в уже отжившие союзы и противоречия [6, с. 79]. Причем такое смещение власти происходит как "вниз", когда государство отдает часть своих внутренних полномочий на более низкий региональный, районный, кантонный, земельный уровни, так и "вверх" – когда часть полномочий отходит наднациональным, межправительственным органам. В результате такого смещения власти появляются новые тенденции в современном мире, которые получают неоднозначную оценку.

Смещение власти "вниз" – перераспределение власти от национального государства к его более мелким единицам – может привести к дроблению многонациональных государств, их распаду и возникновению на их месте новых государств. Так,

при создании новых региональных экономических зон, вместо традиционных, складываются качественно новые отношения между соседними государствами. Например, Словения стала больше торговать с Австрией и меньше с Сербией, северная Италия налаживает более тесные связи с альпийскими государствами, чем с Калабрией и Сицилией [7, с. 159]. Уже можно говорить о возникновении "региональных государств", которые основаны на очень тесных экономических отношениях граничащих между собой государств, при этом стремление к более тесной интеграции одной части суверенного государства с другой частью продиктовано экономической выгодой.

Несомненно, что такое перераспределение полномочий "вниз" несет в себе опасность национальной дезинтеграции многонационального государства, в котором этнические противоречия могут обостряться. Например, тяжелейшим испытанием подвергается государственная система, построенная на европейский лад в Африке. Когда-то искусственно созданные границы оказались здесь не в соответствии с этническими особенностями целых народов, что приводит к межэтническим конфликтам, гражданским войнам, региональному соперничеству.

Вероятно, можно утверждать, что при возрастании численности народонаселения тенденция к возникновению региональных конфликтов, борьба за ресурсы и дальнейшее распространение средств коммуникаций будут увеличивать напряженность между традиционными политическими структурами. В этой связи силы фундаментализма и национализма можно рассматривать как реакцию на глобализацию, которая подрывает международную стабильность.

При "передаче" власти на низший уровень государство нередко утрачивает монополию на легитимное использование вооруженного насилия. В результате этого происходит вооружение в первую очередь этнических, конфессиональных и других групп, что позволяет говорить о "корпоративизации" и "приватизации" военной силы, включая военную технику, вооружение и другие средства вооруженной борьбы [8, с. 56]. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии и СССР (приднестровский, абхазо-грузинский, осетино-ингушский, нагорно-карабахский, чеченский и др.) являются яркими тому примерами. При этом одной из самых актуальных проблем становится проблема регулирования торговли оружием. Хотя интересы коммерческой выгоды преследуют все крупные государства – производители оружия, всё же интересы безопасности мира требуют от государств-экспортеров взаимного ограничения продажи наиболее смертоносного оружия, отказов от поставок в районы конфликтов, ужесточения системы контроля над продажей обычных видов стрелкового вооружения и боеприпасов.

Смещение власти "вверх" проявляется в том, что сегодня государство уступает часть своих полномочий региональным и всемирным организациям, роль которых в наступающем веке будет, несомненно, повышаться, причем не только в экономической сфере, но и в области политики и безопасности. В настоящее время экономические образования – "естественные экономические территории" (National Economic Territories – NET) пересекают политические границы и простираются по всей Азии (Гуандун – Гонконг, Тайвань), Шаньдун – Южная Корея, Дэлхор – Сингапур-острова Риау (Индонезия), способствуя перемещению капиталов, рабочей силы и

технологий. В перспективе вырисовываются такие НЕТ, как зона прибрежных территорий Японского моря, дельта региона Туманган, юг Таиланда – запад Малайзии – Суматра.

Эти образования вместе с такими более официально созданными организациями, как ОПЕК, НАФТА и Европейский Союз, бросают вызовы абсолютному суверенитету государства. Так, например, французский исследователь Б. Варюсфель полагает, что государства-нации сходят с международной сцены. Изнутри их подтачивает неолиберализм, а снаружи – наступление мощных транснациональных компаний [9, с. 36]. Государства-нации не могут достаточно быстро адаптироваться к двум тенденциям: интернационализации обменов и возникновению небольших сообществ на низовом уровне (местные коллективы, ассоциации, семейные и этнические группы).

По мнению Варюсфеля, в случае, если победит тенденция к дивергенции, возможны либо "ливанизация", то есть полностью расколовшийся мир, либо эксплюрализм, когда мир будет состоять из немногочисленных небольших местных полуавтаркических коммун, живущих без насилия, уважающих самобытность других, оберегающих окружающую среду, поддерживающих связи друг с другом с помощью современных информационных средств. В случае, если победит тенденция к конвергенции, весьма вероятно либо превращение мира в единый рынок, который будет способствовать сближению экономических систем, либо одностороннее доминирование США или западных держав под флагом ООН [10, с. 3]. Между тем острые проблемы в экономике и в области безопасности потребуют от правительств все более действенных усилий на региональном и глобальном уровнях, несмотря на препятствия, которые будут присутствовать и в дальнейшем. Поэтому, наряду с усилением региональных и глобальных экономических институтов, государства, вероятно, будут по-прежнему играть существенную роль, выступать в качестве переговорных механизмов на двусторонней основе.

Иными словами, можно согласиться с точкой зрения В. Иорданского, по мнению которого в современном мире наблюдаются две противоположные тенденции. Первая тенденция заключается в движении наций к самоопределению и независимости, вторая, напротив, – в стремлении к образованию крупных полиэтнических общностей, к формированию мощных "супернаций", где органично были бы соединены этносы, различные традиции и культуры [11, с. 7]. Одна тенденция ведет к расщеплению больших государств на малые, к расколу единого геополитического пространства, другая – к образованию региональных союзов, ассоциаций, конфедераций, взаимосвязи континентов и стран. Именно в такой дихотомии проявляется противоречие мирового политического процесса сегодняшнего времени.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.
2. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – СПб., 1995.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – 1994. – №4.
4. Скалапино А. Впереди – вызовы грядущего // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – №8.
5. Фукуяма Ф. "Конец истории?" // Вопросы философии. – 1990. – №3.
6. Toffler A. The Power Shift: Knowledge, Wealthy and Violence at the Age of 21-st Century – New York, 1990.
7. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. – М., 1997.
8. Фельдман Д.М. Военная сила в посттоталитарной Европе // Вестник Московского Университета, Серия 18, Социология и политология. – 1996. – №4.
9. Варюсфель Б. Мировая политика // Международная жизнь. – 1993. – №6.
10. Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века // Международная жизнь. – 1996. – №10.
11. Иорданский В. Глобальный этнический кризис, или сумерки разобщенности // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – №12.

Поступило в редакцию 1 июня 2004 г.